

Чаек, чаек, ключом кипящий!
Сказать не вздумай невзначай,
Что дома пьешь ты настоящий,
Всех мер и всех достоинств
чай.

Пусть убежден ты твердо
в этом,
Но чай твой — пресная вода!
С дымком, смородиновым

цветом,
Рыбацкий чай — вот это да!
И что за чудо, что за диво:
Здесь, у костра и у реки,
Все молчуны красноречивы,
Все ворчуны — весельчаки.
С иного спесь и гонор смыло.
Всех простотой к себе привлек.
Теперь суди, какую силу
Таит рыбацкий наш чаек!

☆☆☆
Нить. Два крючка и груз
свинцовый.
Какая снасть древней уды?
Еще в период ледниковый
Изобрели ее деды.

Уже тогда сердились жены
И рыболова ждал разнос:
— Опять весь день сидел,
скаженный,
На берегу! А что принес?!
И вспоминали о соседе:
— Вот семьянин! Не муж,

а клад!
Зимой в горах убил медведя
И до сих пор еще едят!
Другой сосед принес оленя.
У всех мужья, а мой... рыбак!
...Сменялись сотни поколений,
А рыбаков встречают так.

☆☆☆
Вот так-то, друг! Берись за
лески,

Тоци из пробок поплавки.
Все для тебя: и перелески,
Зеленый луг и тальники,
И малых птах бездумный
щebet,

И неумный пережат.
...Горит костер.
А в летнем небе
Не затихает звездопад.
Давай загадывать желанья!
И пусть сбываются они.
Пусть будет щука на кукане
Киту полярному сродни.

☆☆☆
Еще звезда скатилась в дали,
И, знаешь, что подумал я:
Зря мы с тобой не загадали
Насчет дальнейшего житья.
...Уже идет шестой десяток!
Как не суди, как не ряди —
Две трети жизни позади
И... распочать пришлось
остаток.

Но, может быть, судьба
подбросит
Сверх средней нормы лет
пяток?

(Бывает затяжная осень).
Пять лет надбавки? Дай-то бог!
А, впрочем, пусть прибавит
десять!

Еще чудесней — двадцать пять!
Но, если вздуматься и взвесить,
То лучше снова жизнь начать.
Мы только-только входим
в пору

И разузнали: «что» и «как».
Как подниматься лучше в гору,
Где обойти глухой овраг.
Теперь наш разум строг и
гибок.

Сейчас он нас не подведет.
А что касается ошибок,
то им давно потерян счет.
Ошибок всяких: малых,
средних,
больших, похожих на беду.
Ошибок первых и последних,
В текущем сделанных году.
Да, несмотря на возраст зрелый
И трезвый разума совет:
«Того не смей!», «Сего не
делай!»,

«В том смысла нет», «В том
пользы нет»,
Подчас по-детски созоруюм.
Не чужд нам юношеский пыл!
И, если жизнь начать вторую —
Вновь ошибемся в меру сил.
Но на свои ошибки глядя,
Припоминая весь свой путь,
Должны сказать мы, правды
ради,

И не затем, чтоб прихвастнуть,
Что жили трудно. Жили честно.
А ошибались потому,
Что шли дорогой неизвестной.
...Поверить трудно самому,
Что сил пройти ее хватило,
И все равно, пока живой,
Не сможешь слышать ты из
тыла

Далекий гул передовой!
А эта полночь с звездопадом
И тальники, и пережат,
И круг друзей, сидящих рядом,
(Любой скорей не друг, а брат,
так жизнь спаяла и сроднила!)
Затем, чтоб вспомнить не спеша,
О том, что в жизни нашей было,
Что бережет твою душу.
А в ней сейчас (скажи на
милость,

какая емкая она),
И небо звездное вместилось
И зоревая тишина.
От скрытой грусти — к легкой
шутке.

От легкой шутки — вглубь и
ввысь.
На все лады, на все погудки,—
Все про нее, про нашу жизнь!
И до чего ведь хорошо же
Увидеть в пору седины,
Что жизнь свою ты честно
прожил,
И что друзья твои честны.

☆☆☆
Бурун кипит под пережатом.
Стрижи вверх. А коли так,
То значит будет день богатым,
Без тех июньских передат,
Когда подгонит ветер тучу
С дымящей иссиня каймой.
Не знаешь сам, что сделать
лучше?
Быть под дождем? Идти домой?
Снасть соберешь. Рюкзак
на плечи.

Идешь домой. А той порой
Уж туча темная далече
Грохочет где-то за горой.
К реке вернешься. Снова тучи.
Сидишь все сущее клянeshь.
А в это время ерш колючий
(что для двойной ухи хорош),
Как Чингис-хан идет войною
На снасть твою, червей круша.
Не может быть уха двойною
Из проклятущего ерша!
Должна быть рыба покрупнее:
Язь, окунь, в крайности — чебак.
Но все они лежат на дне и...
Хоть сам на дно с крючками
ляг.

И дома ждет тебя накрутка.
...Но узелком завяжем нить.
Не осуди! Была минутка
И погрузити и пошутить.

А. ПИНАЕВ.